

УТВЕРЖДАЮ
Проректор по учебной работе
ОАНО «МВШСЭН»
Е.В. Миронов
« 16 » сентября 2019 г.

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

кандидата политических наук Кагарлицкого Бориса Юльевича на диссертацию Шулико Георгия Андреевича «Понятие «революционная практика» в философии неомарксизма», представленной на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — «Социальная философия» в совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук на базе ФГБУН Института философии Российской академии наук

Диссертация Георгия Андреевича Шулико «Понятие «революционная практика» в философии неомарксизма» посвящена одной из тех проблем теории, которые в полной мере раскрываются лишь в контексте практического опыта общественной и политической жизни. В этом смысле обсуждаемая нами работа является не только примером добросовестного историко-философского анализа, но и непосредственно затрагивает вопросы политической и социальной истории. Если исходный тезис, с которого начиналось формирование философско-социологической теории Карла Маркса, был сформулирован как необходимость для философов не просто интерпретировать мир, но и менять его, то работа Г.А.Шулико представляет собой пример успешного применения марксистского историко-критического метода к изучению истории и эволюции самого марксизма.

Поскольку вопрос революционной практики оказывался по Марксу центральным вопросом теории, возникает и необходимость сопоставить фазы развития теории с развитием исторических процессов, возникновением, подъемом и угасанием различных революционных движений, а также порожденных этими движениями «проектов» социального преобразования. Таким образом, развитие марксизма одновременно и отражает, пользуясь выражением Маркса, «действительное движение» и является его рефлексией. Теория дает важные импульсы для практики, но лишь в той мере, в какой практика существует объективно, будучи стимулируемой естественными социальными, экономическими и политическими процессами.

Рассматривая историю марксизма с этой точки зрения, Георгий Шулико отходит от привычного разделения на «западный» и «советский» марксизм, вернее показывает, что в

определяемое его связью с общественными процессами. Причем это деление («первый» и «второй») неомарксизм, отражающие волны революционного подъема в Европе и мире), может быть перенесено и на «классический» период, на творчество самих Маркса и Энгельса.

Если работы 1844-49 годов (включая «Тезисы о Фейербахе» и «Коммунистический манифест») писались в период нарастания революционного подъема «Весны народов», то в последующее время, когда в Европе восторжествовала реакция, приоритеты и подходы основоположников марксизма смещаются в другую плоскость, делая их подход более «сциентистским». Из этой же логики вытекает и часто критикуемый «реформизм» позднего Энгельса, очень удобный для теоретиков «II Интернационала». Однако подход Энгельса отражал, как прекрасно видно из работы Шулико, не смену взглядов мыслителя, и тем более не «предательство» по отношению к Марксу (как видно из диссертации, взгляды самого Маркса развивались аналогичным образом), а был естественным способом формировать теорию в меняющемся контексте практики. Именно новые революционные возможности и соответствующая практика в начале XX века дают толчок к теоретическому всплеску нового революционного марксизма («первого неомарксизма»). Вполне понятно, что в этом контексте Ленин предстает не последним представителем «классического марксизма», каковым он, и в самом деле не был, несмотря на подчеркнутую верность «теоретической ортодоксии» Г.В.Плеханова и К.Каутского), но одной из ключевых фигур неомарксизма, наряду с Антонио Грамши, Карлом Коршем и Дьердем Лукачем, которые, в свою очередь, пытались теоретизировать и обобщить его практику. В этом же ряду безусловно находятся Роза Люксембург, Лев Троцкий и целый ряд других мыслителей, чьи теоретические поиски неотделимы от истории становления коммунистического движения в качестве революционной альтернативы социал-демократическому реформизму.

Разумеется, Г.Шулико не называет Ленина непосредственно «неомарксистом», но ставит его теоретические поиски и его ответы на вопросы революционной практики именно в этот ряд. Противоречие подхода В.И.Ленина состояло в том, что будучи политическим мыслителем, ставившим и решавшим радикально-новые вопросы, он публично заявлял о себе как о приверженце и хранителе ортодоксии. Даже классическая работа «Государство и революция» представлена самим Лениным не как попытка исходя из русской революционной практики по-новому взглянуть на проблему власти, а как интерпретация и изложение взглядов Маркса и Энгельса, которые новыми фактами и примерами только иллюстрируются и конкретизируются.

Такой подход Ленина определяется в значительной мере соображениями своего рода «идеологической тактики», когда необходимо было опереться именно на левое крыло социал-

демократии, консолидировавшееся в начале XX века под знаменем ортодоксии в противовес ревизионизму Эдуарда Бернштейна. И вполне возможно, несмотря на очевидность тактических приоритетов, Ленин был в данной самоинтерпретации искренен. Каутского и Плеханова, как справедливо отмечает Г.Шулико, Ленин критиковал не как теоретиков, а как практиков, настаивая в случае Каутского на «рenegатстве», т. е. на отходе немецкого мыслителя от его собственных первоначальных позиций, хотя Каутский, Мартов и русские меньшевики примерно в том же обвиняли Ленина.

В любом случае противоречие между самопредставлением вождя большевиков и действительным смыслом его деятельности, а также его теоретических построений, неминуемо вызывало вопросы и нуждалось в интерпретации. Поскольку собственная политико-идеологическая позиция Ленина (по крайней мере — на публичном уровне) делала такую интерпретацию невозможной, за это дело взялись другие авторы, начиная от Антонио Грамши, заканчивая Карлом Коршем и Дьердьем Лукачем. Все они поддерживали новое коммунистическое движение и выступали на стороне Ленина против Каутского, но вполне справедливо указывали на разрыв большевизма не только с реформистской практикой, но и с позитивистско-эволюционистской интерпретацией марксизма.

Однако уже в 1920-е годы революционное движение идет на спад, «окно возможностей» для радикального преобразования мира и частичного преодоления капитализма, открывшееся в начале XX века из-за межимпериалистических противоречий, роста рабочего движения и Первой мировой войны, закрывается. Советский Союз, превращаясь в сознании идеологов коммунистических партий в своего рода общую «родину» пролетариев всех стран (о чем писал даже Николай Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма»), одновременно перестает быть реальным центром революционной практики. Дальнейшая история хорошо известна и описана. Перри Андерсон именно применительно к этому времени фиксирует уход западного марксизма в «академическое гетто», а в СССР происходит превращение марксистской мысли в официальную догму. Показательно при этом, что за основу официальной «марксистско-ленинской» догмы в СССР, а затем в зарубежных коммунистических партиях и в странах-сателлитах советского блока был взят именно эволюционистски-позитивистский экономический детерминизм восходящий к работам Плеханова и Каутского. И даже эта версия теории, подвергшись своего рода «вторичной догматизации» и предельно упрощенная для массового тиражирования, превратилась в бледную тень самой себя.

Разумеется, это не исключало определенных теоретических поисков также и в рамках «советского марксизма», особенно в 1960-е и в начале 1970-х годов. Но тут развитие происходило под жестким цензурным прессом, а главное, не становилось частью глобальной

теоретической дискуссии, от которой советские мыслители оказались отстранены. Как показал Алексей Юрчак, в этом плане последним советским марксистом в полной мере обладавшим интеллектуальной свободой, был, как ни парадоксально, И.В.Сталин, который, пользуясь статусом прижизненного классика и непререкаемого авторитета в любом деле, мог позволить себе ставить новые вопросы (вспомним «Экономические проблемы социализма в СССР», «Марксизм и вопросы языкознания», Речь на XIX съезде КПСС).

«Второй неомарксизм» появляется опять на Западе. И, по мнению Г.Шулико, в связи с новым революционным подъемом, который проявляется не только в массовых студенческих выступлениях 1968 года, но и в национально-освободительных движениях стран не-западной периферии. Одним из важных элементов этого глобального подъема стала кубинская революция, а потому автор диссертации вполне резонно относит к числу рассматриваемых им мыслителей и Эрнесто Че Гевару. Существенно, что Герберт Маркузе в данном контексте также рассматривается не столько в связи с исследованиями других теоретиков Франкфуртской школы, сколько именно в связи с поисками новой революционной альтернативы, что сближает его с тем же Че Геварой и другими радикальными мыслителями 1960-х годов.

Спад революционной активности и победа консервативной стратегии в СССР в 1970-е годы привели к угасанию марксистской мысли. Симптомом этого угасания Георгий Шулико считает работы Мишеля Фуко, уже не причислявшего себя к марксизму, но явно продолжавшего работать с проблематикой, порожденной именно марксистскими дискуссиями предыдущего десятилетия.

Исследование Г.Шулико хотя и не поднимает вопрос о причинах, заставивших целый ряд видных марксистов отказаться от своих принципов, помогает лучше понять мотивы и механизм произошедшего. В самом деле, неоднократно приходилось сталкиваться (прежде всего в постсоветской реальности, но не только) с тем, что интеллектуалы не просто меняли свои взгляды, но начинали некритически повторять идеи, которые сами же перед тем очень убедительно, основательно и систематически опровергли. Причем никакой рефлексии по отношению к собственным прежним позициям или к собственной критике при этом не наблюдалось.

Легче всего было бы объяснить подобные повороты обычной беспринципностью, коррумпированностью интеллектуалов или конформизмом, но применительно к развитию общественной мысли в целом подобные объяснения являются, как минимум, недостаточными. Однако при чтении диссертации Г.Шулико становится понятно, что если мы принимаем положение о связи теории с революционной практикой как центральное для марксизма, то признание неудачи в этой части теоретического проекта может поставить под

сомнения весь интеллектуальный метод. Исходя из логики XI Тезиса о Фейербахе, невозможность для философа изменять мир обесценивает сам принцип марксистской философии и заставляет пересмотреть отношение к другим постулатам теории. Другое дело, что в данном случае кризис теории порождается не её внутренними проблемами и даже не противоречием между теорией и практическим опытом, но кризисом практического опыта как такового. Что как раз специфично именно для марксизма.

Диссертация Г.Шулико наглядно показывает, что кризис марксизма, ставший общеизвестным фактом интеллектуальной жизни конца XX века, порожден отнюдь не распадом СССР. Он начался значительно ранее (что подтверждается рядом дискуссий о кризисе марксизма во Франции и других западных странах уже в конце 1970-х годов). Угасание революционной практики в конце XX столетия завершает и своеобразную сагу о теоретических поисках нескольких поколений философов, стремившихся не только объяснить, но и изменять мир. Однако автор диссертации ставит в конце своего повествования не жирную точку, а интригующее многоточие. Коль скоро капитализм историчен, он обречен на новые кризисы и неминуемо будет снова порождать революционные потрясения. Причем происходить это будет каждый раз в новых социальных, политических и культурных формах, тем самым не только актуализируя тексты, написанные марксистскими мыслителями прошлого, но одновременно и требуя и радикального переосмысления теоретических построений марксизма.

Такая постановка вопроса не имеет ничего общего с набившими за сто лет оскомину дискуссиями об «устаревании» или «неизменной актуальности» марксистской теории. Изменяющаяся практика постоянно ставит новые вопросы, ответить на которые невозможно ссылками на классические тексты или повторением зазубренных истин. Но в то же время без учета прошлого опыта и без использования накопленного интеллектуального багажа (в первую очередь, но не только методологического) невозможно успешно осмыслить новые факты и сделать рациональные выводы. В конце концов без знания и понимания «старой» реальности мы не можем сформулировать, в чем же состоит специфика «нового» (что постоянно приводит к поверхностным и анекдотическим ответам вроде ссылок на всеобщее распространение гаджетов, социальных сетей и манипулятивных «политических технологий»).

Несложно понять почему тема «революционной практики» в марксистской философии не становится актуальной для современных теоретических дискуссий. Но говорить о чисто историческом значении данного вопроса не приходится по той самой причине, по которой мы не можем говорить о конце истории (показательно, что от этого тезиса отказался и его автор — Френсис Фукуяма). Напротив, события, свидетелями которых мы уже сегодня являемся,

свидетельствуют о том, что практическое преобразование общества становится не только возможностью, но и необходимостью на фоне очередного глобального кризиса, демонстрирующего если не исчерпанность возможностей капитализма в принципе, то уже несомненно исчерпанность его нынешней неолиберальной модели.

Интересно, что в условиях торжества неолиберализма проблематика революционного действия была мистифицирована дискурсом «цветных революций», понимаемых как набор симулятивно-манипулятивных технологий, прикрывающих перераспределение власти внутри правящей элиты на национальном и международном уровне. А теоретическое осмысление подобных вопросов было полностью заменено публицистическим и конспирологическим дискурсом, причем совершенно не важно, с каких позиций.

Диссертация Г.Шулико является важной и успешной попыткой не только вернуть в поле теоретических дискуссий вопрос о марксизме и революционной практике (как категории мышления и как реальном общественном опыте), но и помогает нам вернуться к проблеме революции, формулируемой в социально-историческом, а не в вульгарном политтехнологическом и пропагандистском контексте.

Есть все основания считать работу Г.Шулико не просто удачной, но и в высшей степени полезной для нашего обществознания, как для специалистов по социальной философии и истории общественной мысли, так и для политологов и социологов. Очень надеюсь, что она будет опубликована в виде отдельной книги.

Правила академической рецензии требуют указать не только на бесспорные достоинства, но и на недостатки работы. К таковым я мог бы отнести почти полное игнорирование автором диссертации проблематики так называемого «восточноевропейского ревизионизма». Нет ни одного упоминания работ Лешека Колаковского, ни текстов его марксистского периода, ни написанного с антимарксистских позиций его трехтомника «Main Currents in Marxism». Серьезное внимание уделено Эрнесто Че Геваре, но нет рассмотрения идей Мао Цзедуня о революции, хотя эти идеи (как бы мы к ним ни относились) серьезно повлияли и на самого Че Гевару, и на многих западных левых.

Применительно к западному марксизму, работа также страдает некоторыми упущениями. В библиографии почему-то отсутствует важнейшая работа Герберта Маркузе «Контрреволюция и бунт» (Counterrevolution and revolt). Луи Альтюссер представлен одной работой «За Маркса», а Ж.-П. Сартр только «Проблемами метода». Нет сомнения, последняя работа является важнейшей для понимания сартровского марксизма, да и вообще одной из вершин его творчества. Но всё же она выпущена в свет была как дополнение к более фундаментальной «Критике диалектического разума», которую необходимо было бы по крайней мере указать в списке литературы. Мне было очень приятно обнаружить в качестве

работой «За Маркса», а Ж.-П. Сартр только «Проблемами метода». Нет сомнения, последняя работа является важнейшей для понимания сартровского марксизма, да и вообще одной из вершин его творчества. Но всё же она выпущена в свет была как дополнение к более фундаментальной «Критике диалектического разума», которую необходимо было бы по крайней мере указать в списке литературы. Мне было очень приятно обнаружить в качестве упоминаемого автора моего коллегу и давнего товарища Джона Риса (John Rees), но в русских публикациях он фигурирует как Джон Риз. Кроме того стоило бы в таком случае упомянуть и других британских марксистов. Например, Алекса Каллиникоса, с которым Риз долгое время сотрудничал, а позднее полемизировал. Тут, кстати, возникает вопрос, почему подъем нового радикализма в форме «антиглобалистских» движений 2000-х гг. не привел к появлению значимых теоретических новаций в марксизме, хотя и породил целый ряд дискуссий.

Хотя вопрос о развитии миросистемного анализа (И.Валлерстайн, С.Амир, Дж.Арриги, А.Гундер Франк) выходит за пределы тематики диссертации, стоило бы упомянуть этих авторов хотя бы в списке литературы, особенно же Самира Амина, ставящего в целом ряде своих работ вопрос о революциях в странах Третьего мира.

Автореферат соответствует содержанию диссертации. Основные положения работы отражены в научных публикациях и журналах, входящих в перечень рекомендуемых и учитываемых российских и зарубежных рецензируемых изданий. Диссертация Шулико Георгия Андреевича «Понятие «революционная практика» в философии неомарксизма», представленная на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — Социальная философия, соответствует требованиям пп. 9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21.04.2016 за номером 335 с последующими изменениями. Автор диссертации Шулико Георгий Андреевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 — Социальная философия.

Борис Кагарлицкий,

профессор кафедры политических и правовых учений факультета политических наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (ОАНО «МВШСЭН»)

08 октября 2019 г.

Отзыв обсуждён и принят на заседании кафедры политических и правовых учений 09 октября 2019 г., протокола №6.

Декан факультета политических наук ОАНО «МВШСЭН»: Жарков Василий Павлович, кандидат исторических наук

